

ваку, — отвечал он, — я оплакиваю такого добродетельного государя, который продолжает нас судить по правде даже и после своей смерти». — «Ты прав, — согласился Саладин, — да, мы у него научились справедливому суду».

Нуреддин первый усталил высшую судебную палату; это было место, предназначенное для исследования обид, нанесенных частным лицам. Поводом к учреждению такого трибунала послужило то, что когда Нуреддин утвердил свое пребывание в Дамаске, его эмиры, и в особенности Ширку, могущественнейший из всех, которого считали его соправителем, покупали земли и злоупотребляли своей властью до того, что начали обижать крестьян и жителей сел. Со всех сторон поднялись жалобы по этому поводу. Кади Кемаль Эддин удовлетворил некоторых; но он не смел коснуться людей Ширку и ограничился тем, что довел то до сведения Нуреддина. Вот тогда-то он и устроил ту высшую судебную палату и желал, чтобы в ней отправлялся суд без всякого лицемерия. Когда слух об этом новом учреждении дошел до Ширку, он немедленно понял, что оно направлено против него. Тогда он созвал своих людей и сказал им: «Знайте, что новое учреждение устроено против меня, ибо кто, кроме меня, осмелится не обращать внимания на Кемаль Эддина? Клянусь Аллахом, если меня позовут в новый суд по милости кого-нибудь из вас, то я такого немедленно повешу на кресте. Идите тотчас отыскать всех, кто имеет жалобу на меня; постарайтесь покончить мировой; чего бы это ни стало, все должно быть удовлетворено». Ему заметили, что такой образ действия не совсем благоразумен и сделает истцов слишком требовательными. «Делайте, что приказано, — отвечал он, — я предпочитаю лишиться всего состояния, нежели явиться подсудимым перед Нуреддином и завести процесс с презренными людьми». Служители Ширку повиновались. Между тем устроили здание судебной палаты; когда оно было совсем окопчено, Нуреддин отправился туда и торжественно открыл заседание. Он заседал там два раза в неделю, вспомоществуемый кади Кемаль Эддином и несколькими закон-

никами. Так как не появлялось жалоб на Ширку, то государь был очень изумлен и желал знать причину. Узнав ее, он был тронут до слез и, принося благодарение Аллаху, говорил: «Воздадим хвалу Аллаху, что наши люди обращаются к добру сами, без того, чтобы их кто-нибудь принуждал к тому». Заметьте, какой прекрасный способ быть справедливым, какой великий страх внушал к себе этот государь; заметьте, как его распоряжения были строги и в то же время не стоили ни одной капли крови и обходились без наказания.

Нуреддин приобрел себе великую славу храбростью и телесной ловкостью. Он был, без сомнения, первый воин в свое время; его воинские таланты вошли в поговорку. Мпожество людей, знавших его, уверяли меня, что им не случалось видеть человека, который сидел бы на коне так красиво; можно было сказать, что он с копом составляет одно. Он был очень ловок в игре в мяч: когда пускали мяч, он во время его полета бросался, опустив поводья и встретив его па воздухе, откидывал назад через всю площадку. Во время этого движения никто не видал его руки: он бил по мячу дощечкой, не выпуская руки из рукава; столько ловкости было в его игре. Относительно его храбрости замечу, что перед сражением он обыкновенно брал с собой два лука и два колчана; потом, бросившись на неприятеля, сражался как простой воин, говоря: «Увы, вот уже много времени, как я ищу мученичества и не могу того достигнуть». Однажды эти слова услышал имам Котбеддин; имам заметил ему: «Именем Аллаха! Не подвергай свою жизнь опасности, а вместе с нею исламизм и мусульман; ты — их опора, и если — чего избави Аллах — тебя убьют, мы погибли». Нуреддин отвечал: «О, что ты говоришь, Котбеддин? Кто может спасти нашу страну и исламизм, кроме великого Аллаха, которому равного нет!»

При пужде Нуреддин умел прибегать к хитрости, искусству тонкого обмана; это случалось ему в особенности против франков, да поразит их Аллах! Большей частью своих побед он обязан хитрости. Самую поразительную черту его мудрости представляют его отношения к армянскому князю